

О. А. Драч³

МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОСТИЖЕНИЕ ИДЕИ ЖЕНСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Проблема женского образования, связанной с ним эмансипации, стала основой для многочисленных и разнообразных мифов. Каковы же были реалии восприятия женского высшего образования в России второй половины XIX в.?

Российское общество, молчаливое и послушное в николаевское время, во второй половине 1850-х гг., по свидетельству очевидцев, переживает мощный социальный взрыв: гражданственность пробудилась, всех увлекло критическое отношение к прошлому и желание перемен, начинается активная деятельность, генератором которой становится студенчество. Представитель юношества того времени П. Боборыкин указывал и на попытку создания молодыми собственной морали, жизни по новым этическим и гражданским правилам⁴. Внешними признаками этого становится тяга молодежи к демократизации быта, что выявлялось в простоте одежды, культуры общения и повседневной жизни.

В среде так называемых нигилистов отошли от традиций светской болтовни и высказывали свое мнение в прямой и даже резкой форме. Категорически отрицается брак без любви, проповедуется равенство полов. Характерной особенностью этого поколения становится стремление учиться и учить.

Желание слабого пола получить университетское образование, доступное в предшествующее время исключительно мужчинам, натолкнулось на яростное сопротивление социума. Одним из распространенных стереотипов того времени становится восприятие намерений женщин учиться как реализацию желания «побыть на воле, пожить в свое удовольствие»⁵.

Кроме этого, дореформенное поколение именно с образованием и развитием слабого пола связывает отход от первейшего своего предназначения — суп-

руги и матери, резюмируя, что «раньше, выходя замуж без образования, были намного счастливее»⁶. Это подтверждает не только идеализацию традиционных порядков и болезненное осознание старшим поколением современных изменений в социальной сфере, но косвенно указывает на непростую ситуацию жизненного самоутверждения молодых женщин в конкурентной среде, а также негативный фон их восприятия в провинциальной среде учащейся молодежи.

Достаточно показательна в этом контексте оценка разрешенных властью в 1869 г. совместных публичных курсов петербургским обер-полицмейстером Треповым, который обвинял их «в развитии духа корпоративности среди слушательниц». Основанием для этого служили исключительно внешние признаки: темные платья, стрижка да синие очки, что и было поводом для подозрения «в принадлежности к петербургскому обществу нигилистов»⁷. Генерал был не одинок в своих оценках не полезности публичных лекций для дам. Немало публики поддерживало его умозаключения, считая, что учеба убивает у женщины чувства, отрывает ее от семьи и исполнения естественных обязанностей дочери, жены, матери, а посещение курсов разрушает скромность и стыдливость, уродует нравственность⁸.

Таким образом, вопрос целесообразности высших знаний для женщин окончательно еще не был разрешен значительной частью граждан, большинство которых склонялось к негативным оценкам. Это обстоятельство засвидетельствовал журнал «Вестник Европы», оценивая речь на открытии Московских женских курсов профессора В. Герье 7 ноября 1872 г., в которой говорилось, что «фактом остается в России необходимость защиты и обоснования идеи полезности высшего образования для девушек, в которой все еще видели “подрывание основ”»⁹.

Некоторые авторы связывали вопрос допуска к высшему образованию слабого пола с положительным решением профессорской корпорации,

³ Доцент кафедры истории и этнологии Украины Черкасского национального университета, кандидат исторических наук.

⁴ Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 314.

⁵ Женский университет // Отечественные записки. 1868. № 12. С. 385.

⁶ Дневник Елизаветы Дьяконовой, 1886–1902. М., 1912. С. 123.

⁷ Санкт-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903: очерки и материалы. СПб., 1903. С. 46.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Высшие женские курсы в Москве, учрежденные В. И. Герье // Вестник Европы. 1883. № 3. С. 365.

которое станет ориентиром для решения данного вопроса государственной властью¹. Однако и среди них не было единства в этом вопросе. Необходимо отметить, что сначала стремление женщин к научным знаниям даже образованная часть мужской половины населения оценивала как сиюминутное модное увлечение, и только со временем российское общество убедилось в его настойчивости и серьезности².

О сложности распространения идеи научных знаний для женщин среди представителей местной власти свидетельствуют события в Городской думе Одессы, где ее глава решительно отказался от субсидии в 500 рублей для открытия 7-го класса в женской гимназии³. Объяснял же он собственную позицию не отсутствием средств, а принципиальными соображениями — нежеланием потворствовать тому, что считал «роскошью».

Дополнительным поводом негативного восприятия еще не открытых, но уже разрешенных генерал-губернатором высших женских курсов (ВЖК) стало появление в Киеве до 500 девушек, среди которых «по внешним признакам преобладают нигилистки». Критерием идентификации лояльности девушек и женщин к режиму для наиболее ретивых должностных лиц стали внешность и костюм, что мыслящее общество воспринимает как проявление авторитарных тенденций режима. В результате усиливается непонимание и пропасть между властью и интеллектуалами. Представители государственной администрации Юго-Западного края в вопросе высшего женского образования демонстрируют консерватизм позиции, оценивают научные знания для дам как еще одну докучливую проблему.

Такая реакция высоких должностных лиц на идею высшего образования слабого пола свидетельствует об отсутствии разработанной государственной стратегии в этой сфере и определенности позиции властей в этом вопросе. Идею запрещения ВЖК в Киеве накануне открытия, выдвинутую киевским губернатором, генерал-губернатор М. И. Чертков категорически не поддержал, боясь продемонстрировать ошибочность сделанного правительством шага и его слабость. Становится понятным, что власть очень беспокоилась о собственном имидже в глазах населения, и это задание ее представители в регионах старались неукоснительно исполнять.

В то же время в аспекте допуска женщин к высшему образованию среди государственных чиновников срабатывали не столько рациональные факторы (как, например, возможность быстрого удвоения интеллигенции в стране), сколько глубоко укоренившиеся пережитки и стереотипы личного сознания, коллективной ментальности и норм поведения сословного общества. Поэтому осмысление этого вопроса сугубо индивидуально и не всегда обуславливалось мерой прогрессивности политической или общественной позиции.

Сложность реализации идеи научного образования слабого пола профессор В. Герье, основатель

женских курсов в Москве, обуславливал отсутствием в России развитого гражданского общества в лице общественных корпораций и ассоциаций, цель которых в защите и протекции общих интересов. Однако прогресс в данном деле он связывал исключительно с государственной инициативой, предлагая создать для этого даже отдельную правительственную структуру, которая занималась бы разнонаправленными интересами женщин⁴. Логика профессора понятна: она основывается на заключении о лидерстве имперского правительства в модернизационных изменениях в стране, что продемонстрировали «Великие реформы». Кроме этого, традиционное ожидание помощи от государства объясняется значительной работой, которую В. Герье осуществлял как основатель женских курсов для популяризации идеи и привлечения средств.

В ходе публицистической полемики защитники идеи указывали на целесообразность и приоритетность гражданской самодеятельности в деле научного образования женщин, а необходимым условием признавали свободу общественной деятельности⁵. Звучала критика властей по причине плохой информированности общества о состоянии дел в сфере высшего женского образования, из-за наличия клеветников, по мнению публицистов, финансируемых властью, чрезмерной бюрократизации и жесткого административного контроля со стороны ведомств и министерств.

По мнению прессы, не приходилось удивляться, что «курсы глохнут, так как среда заела». Объясняли это доверчивостью провинциальной публики к слухам, которые распускали о курсах в газетах и при личном общении, что усиливалось вошедшим в плоть и кровь киевлян стереотипом наследования поведения «человека со статусом», а он, придерживаясь традиционности поведения, часто не одобрял деятельность ВЖК⁶. Аналогичной была судьба и Казанских высших женских курсов.

При таком отношении государственной власти неудивительно, что в повседневной жизни девичье желание пополнить свои знания на высших женских курсах большинством населения воспринималось как ересь, и, как отмечали сами девушки, поступление на них было почти недоступно, а слово «курсистка» в устах провинциальной публики было почти ругательным. Показателями успехов эмансипационного движения в России в этот период, как правило, выступали количество учебных заведений, доступных слабому полу, наличие собственной прессы и женских организаций, книг и статей по данному вопросу, спектр доступных профессий. В то время как наиглавнейшим критерием эффективности всего этого нужно считать, как подтверждают еще в конце XIX в. девичьи судьбы, то, насколько глубоко идеи целесообразности высших знаний проникли в сердца отцов и матерей, то есть в атмосферу российских семей. Мощность сословных поведенческих стереотипов в глазах старшего поколения оставалась определяющей линией

¹ *Миропольский В. И.* Университетское образование женщин в Америке и в России // Русская мысль. 1883. № 1. С. 223.

² Проект высшего женского училища // Неделя. 1874. № 30. С. 1122.

³ Одеситы о женском образовании // Неделя. 1884. № 36. С. 1186.

⁴ *Герье В. И.* Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. № 4. С. 700.

⁵ *Песковский М. Л.* Очерк истории высшего женского образования в России (за 20 лет) // Наблюдатель. 1882. № 6. С. 122.

⁶ *Песковский М. Л.* Университетская наука для русских женщин // Русская мысль. 1886. № 12. С. 27.

жизненной стратегии, поэтому была естественна реакция «шока», как, например, в купеческой семье Е. Дьяконовой, выпускницы гимназии, на реализацию ее желания заработать на карманные расходы путем подачи объявления о предложении своих образовательных услуг в провинциальном городке.

Все авторы указывали на непосредственную зависимость вопроса женского образования от существующих научных знаний о женщине и сформированного менталитета населения. Именно тут и заключался парадокс: наука неуклонно двигалась в направлении изучения и решения вопроса женского высшего образования, но в обществе того времени еще господствовали довольно консервативные стереотипы. Это можно объяснить тем, что собственно городское, более гуманное мировоззрение характерно в основном для крупных городов. Только в населенных пунктах с населением больше 25 тыс. человек, каковых в 1856 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) насчитывалось всего 28, отмечались серьезные отличия в привычках жите-

лей по сравнению с селами. В небольших местечках эта разница была минимальной¹.

Таким образом, вопрос высшего образования для женщин и применения женских способностей осознается российским обществом в пореформенный период как самый насущный, будучи одновременно и наиболее дискуссионным. Он затрагивал противоположные интересы и глубоко укоренившиеся предрассудки, порождая симпатии и антипатии и становился поводом для полемики и непримиримой борьбы. Этому способствовала и масса накопленных от прежнего времени стереотипов и обычаев коллективной ментальности, которые усложняли распространение идеи доступности высшего образования женщинам. В пореформенный период страна постепенно сживалась с социальными трансформациями, несущими изменения и морально-ценностных ориентаций, которые, впрочем, довольно медленно распространяются среди российской социальной пирамиды, проникают в сознание рядовых жителей и представителей государственной власти, что наглядно продемонстрировала данная проблема.

* * *

А. А. МИХАЙЛОВ²: — Мне представляются очень значительными приведенные уважаемой Оксаной Александровной Драч факты отторжения идеи женского высшего образования значительной частью политической элиты России, включая либеральную ее часть. Здесь, на мой взгляд, присутствует древний и невероятно живучий стереотип. Я тоже занимаюсь историей образования, а потому хотел бы привести небольшую цитату на эту же тему. Речь, правда, идет о периоде более позднем, о начале XX в. Профессор и депутат Думы В. М. Хвостов выступал против допуска в университетские аудитории женщин и совместного их обучения с мужчинами. Довод же был такой: «Получив доступ к высшему образованию, она (женщина. — А. М.) утратит лучшие свойства женской натуры, делается похожей на мужчину и лишит человечество того вклада, который женщина делала до сих пор в истории»³. Ну а разве сегодня не приходится слышать речи о том, что женщина, стремящаяся к карьере, высоко-

му общественному статусу, теряет женственность? Причем порой подобные суждения исходят из уст людей, которые позиционируют себя как поборники прогресса. Таков миф, который существует более двух столетий, почти не меняясь.

Ю. М. ЛЕПСКИЙ: — Я хотел бы сказать несколько слов о следующем выступающем — Светлане Александровне Алексиевич. Это замечательный писатель, яркий исследователь и неординарный человек, который исповедует метод работы, не имеющий аналогов не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Светлана Александровна записывает рассказы живых людей. Это бесценная запись, из которой, как из мозаики, складываются картины исторических событий. Это уникальные свидетельства участников событий и тем они ценны, привлекательны не только для российского, но и для европейского и американского читателя. Уникальна и книга Светланы Александровны о чернобыльской катастрофе «Чернобыльская молитва».

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 256.

² Заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор

³ Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России: в 4 кн. СПб., 1895. Кн. 3. С. 127.